DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2018.18.006

КЕРАМИКА ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ НОВО-САСЫКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА[1]

С.Л. Воробьева

CERAMIC VESSELS OF PYANY BOR CULTURE ACCORDING TO THE MATERIALS FROM NOVO-SASYKUL BURIAL GROUND

S. Vorobyeva

Ключевые слова: археология, ранний железный век, пьяноборская культура, сосуд, ручная лепка, кувшин, чаша, миска

В работе проанализированы керамические сосуды из Ново-Сасыкульского могильника I-II вв. Рассмотрено 37 горшков, которые разделены на три отдела: кувшинообразные сосуды, чаши (банки) и миски, внутри отделов они разделены на типы (по форме тулова) и варианты (по примеси в тесте, фиксируемой визуально). Анализ керамики из Ново-Сасыкульского могильника показал, что 35% от общего количества изделий представлены кувшинами, которые имеют прямые аналогии в позднесарматских памятниках. 19% сосудов в форме мисок с плоским дном, также, вероятнее всего, имеют импортное происхождение или являются их подражаниями. 65% керамики представлено типично пьяноборскими и мазунинскими/раннебахмутинскими типами сосудов. Наличие импортных изделий в могильнике (посуда, сарматское оружие, фибулы, бусы, сюльгамы), может свидетельствовать либо о постоянных контактах с кочевниками Южно-Уральских степей, либо об одномоментном вливании волны мигрантов на состав пьяноборского населения не позднее середины I тыс. н.э.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Pyany Bor culture, vessel, hand sculpting, jug, jar, bowl

The article outlines results of Pyany Bor culture ceramic vessels analysis based on materials from the Novo-Sasykul burial ground, dated back to the 1st – 2nd cc. AD. 37 ceramic vessels were examined, which are divided into three groups: cushion-shaped vessels, jars and bowls, inside the groups they are divided into types (according to the shape of the body) and options (according to the impurity in the dough, which is visually recorded). An analysis of ceramic vessels from the Novo-Sasykul burial ground showed that 35% of the total number of products is represented by jugs that have direct analogies in the Late Sarmatian sites. 19% of vessels in the form of flat-bottomed bowls are also most likely of imported origin, or are their imitations. 65% of ceramics are represented by typically Pyany Bor and Mazunino / Early Bakhmutino vessel types. The presence of imported products in the burial ground (utensils, Sarmatian weapons, brooches, beads, sulgams) may indicate either constant contacts with nomads of the South Ural steppes, or the simultaneous infusion of a wave of migrants into the Pyany Bor population no later than the middle of the 1st millennium A.D.

К самому позднему и полностью раскопанному погребальному памятнику пьяноборской культуры относится Ново-Сасыкульский могильник, расположенный в Нижнем Прикамье (Бакалинский район РБ). В связи с этим особенно актуальным является рассмотрение керамики, найденной на могильнике.

Керамика пьяноборской культуры впервые была рассмотрена в работах В.Ф. Генинга, который выделил девять разновидностей, объединяемых в три типа [Генинг, 1970. С. 84]. В качестве источниковой базы автор использовал материалы раскопок поселенческих памятников – городище Чеганда I (1551 фрагмент керамики), селище Уяндык (67 сосудов), городище Ныргында (91 сосуд). Посуда из могильников в то время была не известна. Керамика с поселений пьяноборского времени также рассматривалась в работах В.А. Иванова [Иванов, 1982, 2003], А.Х. Пшеничнюка [Пшеничнюк, 1986], Р.Д. Голдиной [Голдина, 1976], Г.Н. Клюевой [Клюева, 1984], Д.Г. Бугрова [Бугров, 2006]. Наиболее крупные фрагменты были проанализированы В.А. Ивановым по методике В.Ф. Генинга [Иванов, 1982, 2003]. Мазунинская поселенческая керамика, формы, аналогичные которой встречены на пьяноборских памятниках, рассмотрена в работах В.А. Иванова и Т.И. Останиной [Иванов, Останина, 1983; Останина, 1997. С. 98-101]. О.А. Казанцевой проведено исследование способов изготовления сосудов пьяноборского времени с правобережья

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00113-мол_а «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново-Сасыкульского могильника)») на базе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

© Воробьева С.Л., 2018. УАВ. Вып. 18. С. 75-85.

р. Камы, выделены ступени гончарной технологии (исходное сырье, обработка исходного сырья, формовочные массы, конструирование, орнаментация, обработка поверхностей, обжиг). В качестве формовочных масс в первой половине I тыс. н.э. использовалась местная ожелезненная глина высокой пластичности, с добавлением в нее раковин пресноводных моллюсков, шамота, сухой глины, кальцинированных костей, птичьего помета [Казанцева, 1996. С. 10-11; 2011].

Керамика Ново-Сасыкульского могильника опубликована авторами раскопок (35 сосудов). По форме сосуды разделены на три типа: чаши с уплощенным плоским или округлым дном, плоскодонные горшки и кувшины [Васюткин, Калинин, 1986. С. 121]. Обобщенный анализ погребальной керамики всей пьяноборской культуры был проведен Б.Б. Агеевым [Агеев, 1992. С. 50]. Автор на 44 сосудах выделил четыре типа, два из которых встречены только в Ново-Сасыкульском могильнике (кувшины с раздутым туловом и плоскодонные горшки). Их появление в Прикамье было связано с инородным населением из южных районов (сарматы?) [Там же. С. 106]. По мнению Б.Б. Агеева, нахождение плоскодонных сосудов и кувшинов в погребениях с прикамскими вещами «отражает процесс ассимиляции пришлой этнической группы пьяноборским населением» [Там же. С. 106-107]. Д.Г. Бугров поддерживает эту точку зрения [Бугров, 2006. С.146].

В противовес этому мнению, Г.И. Матвеева предположила юго-западное (Крым, Северное Причерноморье) происхождение плоскодонной керамики Ново-Сасыкульского могильника [Матвеева, 2002. С. 91]. А.А. Красноперовым, в свою очередь, составлен подробный каталог с изображениями всей керамики из пьяноборских (II в. до н.э. – середина III в. н.э.) и мазунинских (III в. н.э. – середина VI в. н.э.) погребений – 277 сосудов (150 целых) из 250 комплексов [Красноперов, 2008; 2010]. Автором сделан вывод о том, что на данном этапе не представляется возможным выделение пьяноборской и мазунинской керамики [Красноперов, 2010. С. 107]. К сожалению, в данной работе не проведен анализ самой посуды и не выделены ее типы. Все авторы, рассматривавшие керамику Ново-Сасыкульского могильника, могли опираться только на прорисовки сосудов из научных отчетов и публикации авторов раскопок [Васюткин, Калинин, 1986], так как ранее материалы хранились у В.К. Калинина и только в 2017 г. поступили в фонды Национального музея Республики Башкортостан (г. Уфа)[2].

В данной работе учтено 37 сосудов пьяноборского времени, в то время как С.М. Васюткиным и В.К. Калининым описано 35 горшков [Васюткин, Калинин, 1986. С. 121], включая один сосуд из более позднего погребения (погр. 23) [Там же. С. 121. Рис. 20, *7*]. Этот комплекс относится к мрясимовскому типу эпохи средневековья (X-XI вв.). На иллюстрациях авторов раскопок часть предметов прорисована неправильно, без учета морфологических особенностей, несколько сосудов подписаны ошибочно (указано неправильно местонахождение). В связи с этим, в настоящей работе приводится полный перечень керамики Ново-Сасыкульского могильника с подробным морфологическим анализом. 30 сосудов происходит из 28 погребений (в двух комплексах стояло по 2 сосуда), что составляет 6,7% от общего количества комплексов в могильнике. Семь сосудов найдено в межмогильном пространстве, на глубине от 20 до 60 см от дневной поверхности. Большая часть изделий происходит с южной и западной частей могильника. Семь погребений (25%) с сосудами не имели другого сопровождающего инвентаря, в трех случаях – коллективные захоронения (3-4 человека, в каждом из которых находились ребенок или подросток). Антропологические определения, выполненные к.б.н. В.В. Куфтериным, свидетельствуют о том, что сосуды происходят из 5 женских комплексов (17,8%), 9 детских и подростковых (32,2%), включая парные погребения.

Сосуды Ново-Сасыкульского могильника представлены кувшинами, чашами и мисками (с ручками и без). Все кувшины без орнамента, имеют плоское дно, вытянутую зауженную шейку. Чаши представлены сосудами с плоским и округлым дном, с выделенной зауженной шейкой и без нее. Миски представлены сосудами с прямым или чуть раздутым туловом, высота изделия меньше диаметра тулова. В примеси теста присутствуют раковина, тальк, песок, дресва и шамот. Все изделия ручной лепки, на большинстве фиксируются следы нагара. По форме сосуды разделены на 3 отдела: кувшинообразные сосуды, чаши (банки) и миски, внутри отделов они разделены на типы (по форме тулова) и варианты (по примеси в тесте, фиксируемой визуально). Орнаментировано только три сосуда, при выделении типов орнаментация не учитывалась. Типология дается «открытой» для возможного дальнейшего применения при увеличении источниковой базы, поэтому некоторые варианты или типы могут отсутствовать. Параметры сосудов представлены в таблице 1.

Отдел А. Кувшинообразные сосуды – 13 ед.

Тип 1. Кувшины с ручками – 7 ед. (сосуд из погр. 127 не выделен по варианту в связи с отсутствием в коллекции).

Вариант а. С примесью талька в тесте – 3 ед. (рис. 1, *1-3*). Сосуды невысокие – 7,2, 8,7 и 11,8 см. Два кувшина хорошо заглажены, тулово раздуто, ручки прямоугольного сечения, вылеплены отдельно от сосуда и крепились от тулова к венчику, шейка вытянута, срез венчика чуть отогнут, цвет глины

[2] В коллекции отсутствует один сосуд из погр. 127.

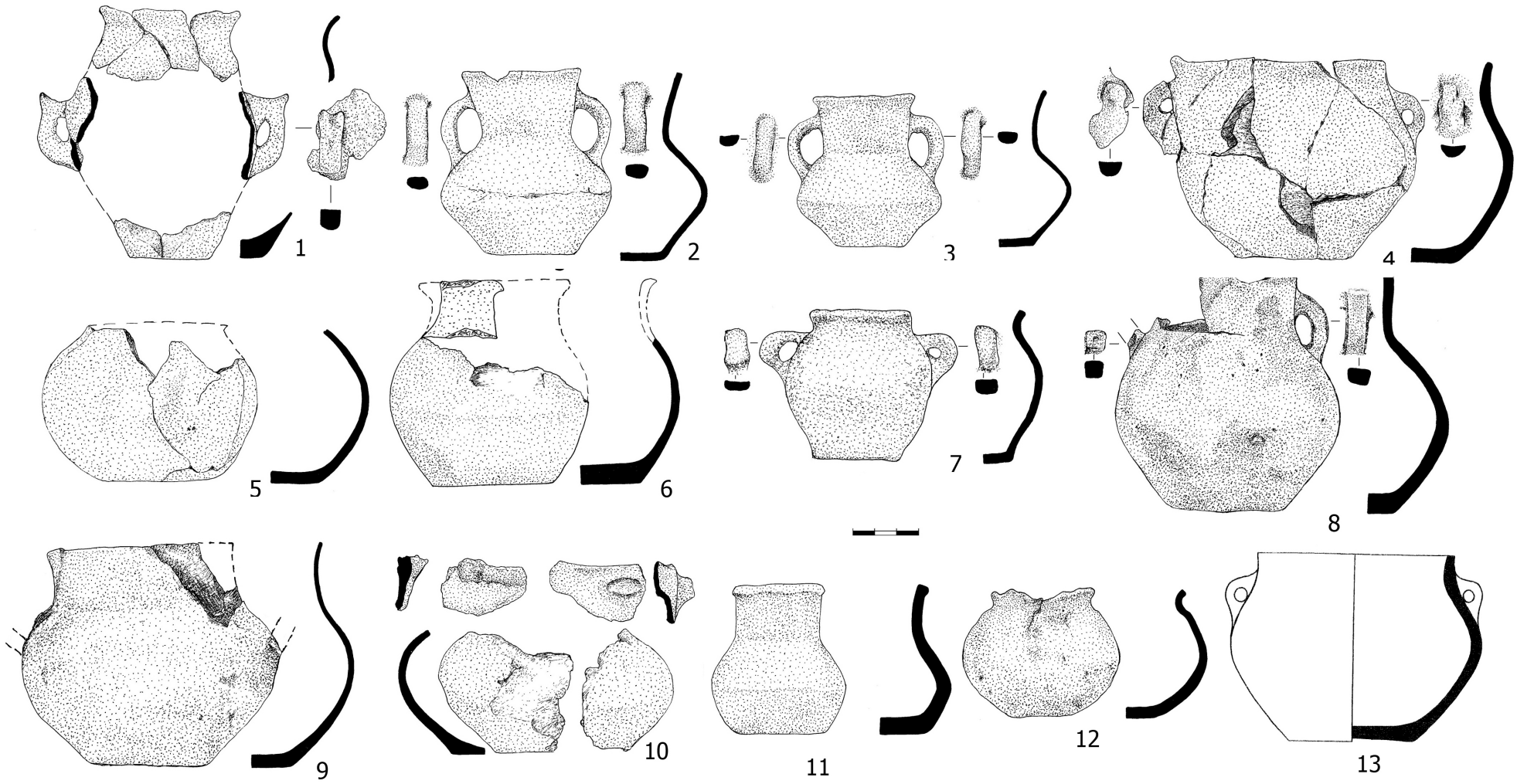

Рис. 1. Сосуды Ново-Сасыкульского могильника (рисунки С.Л. Воробьевой): *1, 3* – кв. 20/Л; *2* – погр. 256; *4* – погр. 325; *5* – погр. 202; *6* – погр. 229; *7* – погр. 55; 8 – кв. 21/V; 9 – погр. 133; 10 – погр. 329; 11 – погр. 182; *12* – погр. 309; *13* – погр. 127 (по: [Калинин, 1977. Рис. 37])

Fig. 1. Vessels of the Novo-Sasykul burial ground (drawings by S.L. Vorobyeva): 1, *3* – square 20/L, *2* – burial 256; *4* –burial 325; *5* – burial 202; *6* –burial 229; *7* – burial 55; *8* – square 21/V; *9* – burial 133; *10* – burial 329; *11* – burial 182; *12* – burial 309; *13* – burial 127 ([Kalinin, 1977. Fig. 37])

коричневый. Кувшин из кв. 20/Л плохо заглажен, красноглиняный. В сосуде лежал кусок мела размером 3,5×3,5×3,3 см. Ручка вылеплена отдельно от тулова и крепится от придонной части к плечику. Верхняя часть прилепа ручки оформлена в виде двух ушек.

Вариант б. С примесью песка, дресвы и шамота – 2 ед. (рис. 1, *4, 7*). Один сосуд происходит из погр. 325, другой – из погр. 55. Оба сосуда коричневого цвета, тулово раздуто, ручки прямоугольного сечения, вылеплены отдельно и крепились от тулова к шейке, шейка низкая, срез венчика чуть отогнут. Один сосуд хорошо заглажен (погр. 325), другой плохо (погр. 55). Высота изделий 7 и 9,5 см.

Вариант в. С примесью раковины – 1 ед. (рис. 1, *8*), происходит из кв. 21/V. Коричневого цвета, хорошо заглажен, тулово раздуто, ручки прямоугольного сечения, вылеплены отдельно от сосуда и крепились от тулова к шейке, шейка высокая, срез венчика прямой. Высота изделия 11 см.

Тип 2. Кувшины с налепами – 2 ед.

Вариант а. С примесью талька в тесте – отсутствует.

Вариант б. С примесью песка, дресвы и шамота – 2 ед. (рис. 1, *9-10*), из погр. 133 и 329. Оба кувшина плохо заглажены, тулово раздуто, один коричневый (погр. 133), другой красноглиняный (погр. 329). На сосуде из погр. 133 ручки не сохранились, возможно, это были налепы (?) в виде выступов (рис. 1, *9*). На сосуде из погр. 329 налепы овальной формы сохранились (рис. 1, *10*). Высота изделий 10,5 и 11,5 см.

Вариант в. С примесью раковины – отсутствует.

Тип 3. Кувшины без ручек – 4 ед.

Вариант а. С примесью талька в тесте – отсутствует.

Вариант б. С примесью песка, дресвы и шамота – 2 ед. (рис. 1, *5-6*), из погр. 202 и 229. Сосуды красноглиняные, плохо заглажены, тулово раздуто. Один кувшин без выраженной шейки, с узким горлом (рис. 1, *5*), другой – с высокой шейкой и отогнутым наружу срезом венчика (рис. 1, *6*). Высота изделий 7,5 и 9,2 см.

Вариант в. С примесью раковины – 2 ед. (рис. 1, *11-12*), из погр. 182 и 309. Сосуд из погр. 182 с раздутым туловом, с высокой шейкой и отогнутым наружу горлом, изготовлен из плотной глины коричневого цвета, грубой лепки (рис. 1, *11*). Кувшин из погр. 309 с раздутым туловом, с короткой шейкой и отогнутым наружу горлом, грубой лепки, коричневого цвета, плохо заглажен. Высота изделий 7 и 6 см.

Отдел Б. Чаши (банки) – 17 ед.

Тип 1. Чаши с округлым дном, с выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком – 4 ед.

Вариант а. С примесью талька в тесте – 1 ед. (рис. 2, *1*). Сосуд из погр. 166 хорошо заглажен, коричневого цвета, со значительной примесью талька в тесте. Высота сосуда 9,2 см.

Вариант б. С примесью песка, дресвы и шамота – 1 ед. (рис. 2, *2*). Происходит из погр. 413, плохо заглажен, черного цвета, с нагаром, высота 6,5 см, толщина стенок тулова и дна – 0,3 см.

Вариант в. С примесью раковины – 2 ед. (рис. 2, *3-4*), из погр. 155 и 207. Оба сосуда высотой 6,5 и 6,8 см, плохо заглажены, коричневого цвета. Чаша из погр. 155 орнаментирована по основанию шейки пояском овальных вдавлений, дно утолщенное (рис. 2, *3*).

Тип 2. Чаши с плоским дном, с выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком – 10 ед.

Вариант а. С примесью талька в тесте – 1 ед. (рис. 2, *6*). Сосуд найден в межмогильном пространстве, представлен чашей без орнамента, с утолщенным дном и плохо заглаженными стенками, невысокой шейкой и отогнутым наружу венчиком.

Вариант б. С примесью песка, дресвы и шамота – 3 ед. (рис. 2, *5, 8, 9*). Два сосуда представлены чашами без орнамента, с плохо заглаженными стенками, невысокой шейкой, один из них с утолщенным дном (рис. 2, *9*). Сосуд из погр. 34 орнаментирован по срезу венчика защипами, по венчику – пояском подпрямоугольных вдавлений, хорошо заглажен (рис. 2, *5*).

Вариант в. С примесью раковины – 6 ед. (рис. 2, *7, 10-14*). Представлены чашами с плохо заглаженными стенками, невысокой шейкой, с одинаковой толщиной стенок и днища. Чаша из погр. 22 орнаментирована по основанию шейки пояском овальных вдавлений (рис. 2, *11*). Чаша из погр. 175 выделяется мелкими размерами – высота сосуда всего 3,8 см.

Тип 3. Чаши с плоским дном и прямым венчиком, без выделенной шейки – 3 ед.

Вариант а. С примесью талька в тесте – отсутствует.

Вариант б. С примесью песка, дресвы и шамота – отсутствует.

Вариант в. С примесью раковины – 3 ед. (рис. 2, *20, 22-23*): с расширяющимися к венчику туловом, венчик прямой, сосуды коричневого цвета, плохо заглажены, тулово и дно тонкое (0,3-0,4 см).

Отдел В. Миски – сосуды с прямым или чуть раздутым туловом, высота сосуда меньше диаметра тулова – 7 ед.

Вариант а. С примесью талька в тесте – отсутствует.

Вариант б. С примесью песка, дресвы и шамота – 2 ед. (рис. 2, *15-16*). Обе чаши низкие, в форме миски, с утолщенным дном. Сосуд из погр. 224 (рис. 2, *15*) хорошо заглажен, возможно, подработан на гончарном круге (?). Сосуд из погр. 353 грубой лепки, коричневый (рис. 2, *16*).

Вариант в. С примесью раковины – 5 ед. (рис. 2, *17-19, 21, 24*). В форме миски, плохо заглажены, коричневого цвета, три из них с утолщенным дном (рис. 2, *17-19, 21, 24*).

Рис. 2. Сосуды Ново-Сасыкульского могильника (рисунки С.Л. Воробьевой): *1* – погр. 166; *2* – погр. 413; *3* – погр. 155; *4* – погр. 207; *5* – погр. 34; *6*, *14а-б* – кв. 20/Т; *7*, *24* – погр. 215; *8* – погр. 182; *9* – погр. 418; *10* – кв. 7/И; *11* – погр. 22; *12* – погр. 175; *13* – погр. 271; *15* – погр. 224; *16* – погр. 353; *17* – погр. 17; *18* – погр. 385; *19* – погр. 242; *20* – кв. 24/Т; *21* – погр. 134; *22* – погр. 76; *23а-б* – данные отсутствуют

Fig. 2. Vessels of the Novo-Sasykul burial ground (drawings by S.L. Vorobyeva): *1* – burial 166; *2* –burial 413; *3* – burial 155; *4* – burial 207; *5* – burial 34; *6, 14a-б* – square 20/T; *7, 24* – burial 215; *8* – burial 182; *9* – burial 418; *10* – square 7/I; *11* – burial 22; *12* – burial 175; *13* – burial 271; *15* – burial 224; *16* – burial 353; *17* – burial 17; *18* – burial 385; *19* – burial 242; *20* – square 24/T; *21* – burial 134; *22* – burial 76, *23a-b* – no data

Таблица 1

Характеристика сосудов из Ново-Сасыкульского могильника

Table 1

Characteristics of vessels from the Novo-Sasykul burial ground

№ п/п	Местонахождение	1*	2	3	4	5	6	7	8
1	Погр.17	4,5	8,5	5	-	-	0,3	0,3	2, *17*
2	Погр. 22	5,5	9,2	4	-	9	0,4	0,3	2, *11*
3	Погр. 34	8	11,5	7	12	11	0,2	0,3	2, *5*
4	Погр. 55	7	4,6	4	7	4,7	0,5	0,4	1, *7*
5	Погр. 76	7,4	12	4	-	-	0,4	0,3	2, *22*
6	Погр. 127	-	-	-	-	-	-	-	1, *13*
7	Погр. 133	10,5	8,5	5,5	12,4	8,5	0,7	0,3	1, *9*
8	Погр. 134	3,5	7,8	3	-	-	0,6	0,3	2, *21*
9	Погр. 155	6	9,5	-	9,7	9	0,8	0,5	2, *3*
10	Погр. 166	9,2	8,5	-	10	8,5	0,8	0,5	2, *1*
11	Погр. 175	3,8	5,5	2,5	5	5	0,3	0,3	2, *12*
12	Погр. 182 Сосуд 1	7	4,2	4,2	6,4	4	0,9	0,5	1, *11*
13	Погр. 182 Сосуд 2	6,5	11	5	-	10,5	0,3	0,3	2, *8*
14	Погр. 202	7,5	6,5	10,2	5	6,6	0,5	0,3	1, *5*
15	Погр. 207	5,7	6	-	6	-	0,3	0,3	2, *4*
16	Погр. 215 Сосуд 1	9	11	6,5	11,4	11	0,7	0,5	2, *7*
17	Погр. 215 Сосуд 2	4	6	-	-	-	0,6	0,2	2, *24*
18	Погр. 224	4	5	9	-	-	0,8	0,4	2, *15*
19	Погр. 229	9,2	7	5,6	9,5	6	1	0,3	1, *6*
20	Погр. 242	4	5,2	3	-	-	0,5	0,3	2, *19*
21	Погр. 256	8,6	5,6	4	8,2	4,2	0,3	0,2	1, *2*
22	Погр. 271	6,5	5	11	-	-	0,9	0,7	2, *13*
23	Погр. 309	6	5	3	7,4	4,6	0,5	0,4	1, *12*
24	Погр. 325	9,5	10,5	5,5	11,5	10	0,7	0,5	1, *4*
25	Погр. 329	?	?	6	11,5	?	0,5	0,4	1, *10*
26	Погр. 353	4,5	7,2	4,5	-	-	1	0,7	2, *16*
27	Погр. 385	4	6,2	3	-	-	0,3	0,3	2, *18*
28	Погр. 413	6,5	11	3	9,5	9,5	0,3	0,3	2, *2*
29	Погр. 418	6	6,2	3,5	-	6,5	1	0,4	
30	Кв. 20/Л Сосуд 1	7,5	5	3,2	7	4,2	0,3	0,3	1, *3*
31	Кв. 20/Л Сосуд 2	11,8	6,5	3,8	9	6	0,9	0,2	1, *1*
32	Кв. 20/Т Сосуд 1	8,3	11,5	4,5	-	10,5	0,9	0,5	2, *6*
33	Кв. 20/Т Сосуд 2	5,5	10,5	5	-	8.5	0,2	0,2	2, *14а-б*
34	Кв. 24/Т	8,5	12	5	-	-	0,3	0,3	2, *20*
35	Кв. 21/V	11	7	5	10	6	0,9	0,6	1, *8*
36	Кв. 7/И	6	10	-	10	9,8	0,3	0,4	2, *10*
37	Не определено	5,8	?	?	?	?	0,6	0,3	2, *23а-б*

*1 – высота сосуда (см), 2 – диаметр по венчику (см), 3 – диаметр дна (см), 4 – диаметр тулова (см), 5 – диаметр шейки (см), 6 – толщина дна (см), 7 – толщина тулова (см), 8 – рисунок сосуда в публикации

Данная типология основана только на морфологических признаках сосудов – форме тулова, венчика, основных параметрах и визуально-фиксируемых примесях в тесте.

Кувшинообразные сосуды типа А вызывают наибольший интерес, так как прямых аналогий в могильниках пьяноборской культуры они не имеют. Основная особенность изделий – наличие ручек и небольшой размер сосудов. Две чаши с ручками с раздутым туловом происходят из могильников Тураево и Кудаш [Красноперов, 2010. С. 99. Рис. 5, *1-2*], но обе они орнаментированы рядами ямок по венчику и тулову. В 1987 г. М.Г. Мошковой был проведен анализ среднеазиатской керамики из позднесарматских комплексов, где представлена полная выборка этих предметов [Мошкова, 1987]. В работе В.Ю. Малашева и Л.Т. Яблонского также имеется импортная керамика (среднеазиатская, центрально-кавказская и меотская) из позднесарматского могильника Покровка 10 [Малашев, Яблонский, 2008. С. 48-50].

Сравнение Ново-Сасыкульских сосудов с позднесарматскими импортными изделиями дает сходство по форме тулова, вытянутости шейки, по наличию ручек, верхняя часть которых вытянута в форме ушек или прямоугольника [Малашев, Яблонский, 2008. С. 320. Рис. 196, *5, 7-8*]. В сарматских памятниках они имеют среднеазиатское происхождение. В Ново-Сасыкульском могильнике такие кувшины с ручками имеют примесь талька,

Таблица 1

Характеристика сосудов из Ново-Сасыкульского могильника (продолжение)

Table 1

Characteristics of vessels from the Novo-Sasykul burial ground (continuation)

№ п/п	№ погр./кв.	сохранность	дно	венчик	шейка	тулово	примесь	заглаженность поверхности	орнамент	ручки/ прилепы
1	Погр. 17	целый	уплощенное	прямой	не выделена	колоколовидное	раковина	плохо заглажен	-	-
2	Погр. 22	целый, с утратами	уплощенное	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	раковина	плохо заглажен	+	-
3	Погр. 34	целый, с утратами	уплощенное	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	дресва, песок	плохо заглажен	+	-
4	Погр. 55	целый	плоское	отогнут наружу	сужена, низкая	раздуто	дресва, песок	плохо заглажен	-	+
5	Погр. 76	целый, с утратами	уплощенное	прямой	не выделена	колоколовидное	раковина и шамот	плохо заглажен	-	-
6	Погр. 127	нет в коллекции	плоское	прямой	сужена, низкая	-	-	-	-	+
7	Погр. 133	целый, с утратами	плоское	отогнут наружу	сужена, высокая	раздуто	раковина	плохо заглажен	-	-
8	Погр. 134	целый	уплощенное	прямой	не выделена	расширяется к венчику	раковина	плохо заглажен	-	-
9	Погр. 155	целый	закругленное	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	раздуто	раковина	плохо заглажен	+	-
10	Погр. 166	целый, с утратами	закругленное	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	тальк	хорошо заглажен	-	-
11	Погр. 175	фрагментирован, был реконструирован	уплощенное	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	раковина	плохо заглажен	-	-
12	Погр. 182 Сосуд 1	целый	плоское	отогнут наружу	сужена, высокая	раздутое	раковина и песок	хорошо заглажен	-	-
13	Погр. 182 Сосуд 2	фрагментирован, был реконструирован	плоское	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	раздутое	песок и шамот	плохо заглажен	-	-
14	Погр. 202	фрагментирован, склеен	плоское	сужен	сужена, низкая	раздутое	дресва и песок	хорошо заглажен	-	-
15	Погр. 207	фрагментирован, склеен	закругленное	прямой	не выделена	колоколовидное	раковина	хорошо заглажен	-	-
16	Погр. 215 Сосуд 1	целый	уплощенное	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	раковина	хорошо заглажен	-	-
17	Погр. 215 Сосуд 2	целый	закругленное	прямой	не выделена	колоколовидное	раковина	хорошо заглажен	-	-
18	Погр. 224	целый	уплощенное	прямой	не выделена	колоколовидное	шамот	хорошо заглажен, подработан на гончарном круге (?)	-	-
19	Погр. 229	фрагментирован, склеен	плоское	отогнут наружу	сужена, высокая	раздуто	песок	плохо заглажен	-	-
20	Погр. 242	целый	уплощенное	прямой	не выделена	колоколовидное	раковина	хорошо заглажен	-	-
21	Погр. 256	целый	плоское	отогнут наружу	сужена, высокая	раздуто	талька и песка	хорошо заглажен	-	+
22	Погр. 271	целый	уплощенное	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	раковина	хорошо заглажен	-	-
23	Погр. 309	целый	плоское	отогнут наружу	сужена, низкая	раздуто	раковина	хорошо заглажен		
24	Погр. 325	фрагментирован, склеен	плоское	отогнут наружу	сужена, высокая	раздуто	шамот, песок и дресва	хорошо заглажен	-	+
25	Погр. 329	фрагментирован, склеен	плоское	прямой	Не выделена	раздуто	раковина	плохо заглажен	-	+
26	Погр. 353	целый	уплощенное	прямой	не выделена	колоколовидное	дресва	плохо заглажен	-	-
27	Погр. 385	целый	уплощенное	прямой	не выделена	колоколовидное	раковина	плохо заглажен	-	-
28	Погр. 413	целый, с утратами	закругленное	отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	песок	плохо заглажен	-	-
29	Погр. 418	целый	уплощенное	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	песок	плохо заглажен	-	-
30	Кв. 20/Л Сосуд 1	целый	плоское	отогнут наружу	сужена, высокая	раздуто	тальк	хорошо заглажен	-	+

31	Кв. 20/Л Сосуд 2	фрагментирован, был реконструирован	плоское	отогнут наружу	сужена, высокая	раздуто	тальк и песок	плохо заглажен	-	+
32	Кв. 20/Т Сосуд 1	фрагментирован, был реконструирован	уплощенное	отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	дресва и органика	плохо заглажен	-	-
33	Кв. 20/Т Сосуд 2	фрагментирован, был реконструирован	уплощенное	слегка отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	песок и раковина	плохо заглажен	-	-
34	Кв. 24/Т	фрагментирован, был реконструирован	уплощенное	прямой	не выделена	колоколовидное	раковина и песок	плохо заглажен	-	-
35	Кв. 21/V	целый, имеются утраты	плоское	прямой	сужена, высокая	раздуто	раковина и шамот	хорошо заглажен	-	+
36	Кв. 7/И	целый	закругленное	отогнут наружу	сужена, низкая	колоколовидное	песок и шамот	плохо заглажен	-	-
37	Не определено	фрагментирован	уплощенное	?	?	колоколовидное	шамот и песок	плохо заглажен	-	-

песка, дресвы и шамота, а также раковины. Изделия с примесью талька, песка, дресвы и шамота (рис. 2, *1-4, 7*), несомненно, были импортными, в то время как с примесью раковины представляют собой подражания позднесарматским сосудам. Кувшины с налепами (рис. 2, *9-10*) и сосуды с низким раздутым туловом (рис. 2, *5, 12*), кувшины без ручек, также встречены в среде кочевников [Малашев, Яблонский, 2008. С. 321, 323. Рис. 197, 198; Пшеничнюк, 1992. С. 6. Рис. 5, *6*].

Визуальный осмотр керамики из позднесарматского Дербеневского курганного могильника показал, что по составу теста и заглаженности сосуды из Ново-Сасыкуля с примесью песка, дресвы и шамота аналогичны позднесарматским. Кроме того, в Дербеневском могильнике найдены мелкие сосуды высотой 4-6 см [Пшеничнюк, 1992. С. 6. Рис. 5, *8-9, 12-13*]. Могильники Покровка 10 и Дербеневка датируются II – серединой III вв., что соотносится с датировкой Ново-Сасыкульского некрополя, определенной по наличию импортных изделий – фибул. Авторы раскопок определили время функционирования могильника I-III вв. на основании датировки 14 античных фибул – раннеримских шарнирных типа «*Avcissa*» и пружинных [Васюткин, Калинин, 1976. С. 122]. Б.Б. Агеев полагал, что такие фибулы относятся ко II-III вв. [Агеев, 1992. С. 64]. Т.И. Останина пришла к выводу, что погребения с фибулами датируются второй половиной I – первой половиной II в. [Останина, 1997. С. 114]. В.В. Ставицким погребения могильника на основании хронологии фибул разделены на ранние (конец I – начало II в.) и поздние (середины II в.) [Ставицкий, 2015. С. 111]. Изучение материалов могильника, в том числе и хронологических индикаторов (фибул, бус, сюльгам, оружия и т.д.), дает основания определить время функционирования памятника в узком временном диапазоне – I-II вв. в связи с тем, что датировка всех имеющихся фибул не выходит за пределы конца II в. Самое позднее погребение (погр. 260) по сопроводительному инвентарю датируется серединой II – серединой III вв., что никак не влияет на общие хронологические рамки существования некрополя.

Из 13 кувшинов 4 происходят из межмогильного пространства, остальные – из закрытых комплексов. Сосуды из межмогильного пространства являются свидетельством наличия поминальной практики у населения, оставившего Ново-Сасыкульский могильник. В межмогильном пространстве также были найдены длиннолезвийные мечи и кинжалы.

Погребения с кувшинами не имеют четкой локализации на плане могильника. Сосуд из кв. 20/Л (рис. 2, *1*) найден рядом с погр. 182, где также был кувшин (рис. 2, *11*). В трех комплексах с кувшинами (погр. 133, 256 и 329) найдены сюльгамы. В погр. 133 и 256 они представляют из себя пластинчатые застежки из круглой или подовальной пластины с сомкнутыми концами и железной иглой [Васюткин, Калинин, 1986. С. 112. Рис. 14, *24*].

Пластинчатые сюльгамы встречаются в памятниках пьяноборскй культуры [Агеев, 1992. С. 125. Рис. 6, *6-10, 12-13*; Голдина, Бернц, 2016. С. 29]. Самые ранние экземпляры подобных сюльгам происходят из Андреевского кургана [Гришаков, Зубов, 2009. С. 51-52, 148. Рис. 23, *2, 10-1;* 23, *5, 14*]. В погр. 329 сюльгама в виде застежки из круглого или овального в сечении дрота с разомкнутыми концами, на концах имеется припаянные с двух сторон круглые бляшки, имеются литые конусовидные привески [Васюткин, Калинин, 1986. С. 112. Рис. 14, *8*]. В археологической литературе они получили название «сюльгамы», «подковообразные фибулы», «фибулы типа Omega» (тип 1 по Б.А. Агееву [Агеев, 1992. С. 125. Рис. 6, *1-2*]). В пьяноборской культуре они найдены по одному экземпляру в Афонинском и I Меллятамакском могильниках [Там же. С. 114]. Сюльгамы этого типа встречены в Андреевском 1 кургане и датированы В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым рубежом I-II вв. [Гришаков, Зубов, 2009. С. 148. Рис. 23, *2, 10-11*]. В Ново-Сасыкульском могильнике все три сюльгамы датируются II в.

В одном комплексе с кувшином (погр. 55) умерший лежал скорченно на боку, что отличает его от других захоронений могильника. По мнению С.Э. Зубова, «такие захоронения могли принадлежать к определенной социальной категории общества – патриархальным рабам» [Зубов, 2009. С. 263].

Сосуды типа Б имеют прямые аналогии в пьяноборских и мазуниниских/раннебахмутинских комплексах. Сосуды, орнаментированные по срезу

венчика защипами или овальными вдавлениями, насечками (рис. 2, *5*) встречены в могильнике Тарасово, Усть-Сарапул, Старая Мушта [Красноперов, 2008. С. 100-104. Рис. 6, *7*; 8, *9*; 11, *2;* 12, *7*; 13, *6*; 14, *5*]. Подобная орнаментация известна и на поселенческих памятниках – городищах Тра-Тау[3] [Иванов, 1972], Сосновском, Барьязском и Чужьяловском [Останина, 1992. С. 294-295. Рис. 49, *2, 10, 15*; 50, *3, 12, 17-18*], Уфа II [Колонских, 2017. С. 9-24. Рис. 1-7], Чеганда I [Генинг, 1970. Табл. XXVIII, *1*]. В целом, чаши типа Б с плоским и округлым туловом, с выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком – также явление характерное для пьяноборской и музунинской/раннебахмутинской культур [Красноперов, 2008. С. 98-100. Рис. 3; 6; 8]. Особое внимание в коллекции привлекает маленькая чаша из погр. 175 (рис. 2, *12*). Подобное изделие найдено на городище Тра-Тау [Иванов, 1972], такая же чаша происходит из могильника Ангасяк [Красноперов, 2008. С. 102. Рис. 10, *4*] и из Чужьяловского городища [Останина, 1992. С. 295. Рис. 50, *19*]. Все изделия типа Б найдены с типичными пьяноборскими вещами.

Плоскодонные миски типа В – явление крайне редкое на могильниках пьяноборской культуры. Сосуды, близкие по морфологии, происходят из Кушлевского 3 [Красноперов, 2008. С. 99. Рис. 5, *4*], Красноярского [Там же. С. 98. Рис. 2, *12*] и Юлдашевского могильников [Там же. С. 98. Рис. 3, *2*]. В Ново-Сасыкульском могильнике таких мисок 7 единиц (70% от общего числа мисок в пьяноборских могильниках). Сосуд из погр. 224 (рис. 2, *15*) отличает от всех других изделий технология изготовления – тесто очень плотное, хорошо заглажено с внутренней и внешней стороны. Появление изделий типа В в Ново-Сасыкульском могильнике связано, вероятнее всего, с влиянием извне – изделия либо импорты (как сосуд из погр. 224), либо подражания им. В целом, плоскодонная керамика, как уже описано выше, имеет аналогии в позднесарматских памятниках.

Таким образом, анализ керамики из Ново-Сасыкульского могильника показал, что 35% (13 сосудов) от общего количества изделий представлены кувшинами, которые имеют прямые аналогии в позднесарматских памятниках, 19% (7 сосудов) в форме мисок с плоским дном, также, вероятнее всего, имеют импортное происхождение, или являются подражаниями. 65% керамики представлено типично пьяноборскими и мазунинскими/раннебахмутинскими типами сосудов. Наличие такого количества импортной керамики, как и других изделий не местного происхождения (сарматское оружие, фибулы, бусы, сюльгамы), может свидетельствовать либо о постоянных контактах с кочевниками Южно-Уральских степей, либо об одномоментном вливании волны мигрантов в состав пьяноборского населения, которое фиксируется исключительно на материалах Ново-Сасыкульского могильника.

О «миграционном характере» Ново-Сасыкульского могильника писала Г.И. Матвеева, указывая в качестве места, откуда прибыли мигранты, Крым и Северное Причерноморье [Матвеева, 2002. С. 91]. На сегодняшний день с данной точкой зрения сложно согласиться, так как, «мигранты» имеют, на наш взгляд, прямое отношение к памятникам андреевско-писеральского круга. Именно в Андреевском кургане находят аналогии многие импортные изделия Ново-Сасыкульского могильника (сюльгамы, пряжка маркоманского типа, накладки на ножны, отдельные виды вооружения). В самом же Андреевском могильнике имеются типично пьяноборские вещи, что косвенно подтверждает данные предположения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрОРАН, 1992. 140 с.

Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2006. 350 с.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 95-122.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка; Удмуртский республиканский краеведческий музей, 1970. 257 с.

Голдина Р.Д. Исследования памятников Южной Удмуртии в 1969-1970 гг. // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск, 1976. С. 75-92.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I-II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1(15). С. 41-89.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А. О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 17-54.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.

[3] Материалы городища Тра-Тау просмотрены автором

Зубов С.Э. Пьяноборская культура (II в. до н.э. – перв. пол. II в. н.э.) // История башкирского народа в 7-и томах / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. 1. М.: Наука, 2009. С. 255-267.

Иванов В.А. Отчёт о раскопках в составе Московского отряда Нижнекамской археологической экспедиции. Уфа, 1972 // Научный архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 7.

Иванов В.А. Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // СА. 1982. № 3. С. 199-209.

Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р. Белой // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 199-215.

Иванов В.А., Останина Т.И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища племен Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: БФ АН СССР, 1983. С. 104-127.

Казанцева О.А. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по данным некрополей). Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06 / Удмуртский гос. ун-т. Ижевск, 1996. 21 с.

Казанцева О.А. Гончарство древнего населения Среднего Прикамья (по материалам Тарасовского могильника I-V вв. н.э.) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и философия. 2011. Вып. 1. С. 55-62.

Клюева Г.Н. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборского времени на Средней Каме // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: Изд-во Удм. ГУ, 1984. С. 20-35.

Колонских А.Г. Коллекция керамики городища Уфа-II из раскопок Н.А. Мажитова 1958 года // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 10. С. 9-24.

Красноперов А.А. Погребальная керамика Прикамья пьноборско-мазунинского времени // Культуры степей Евразии второй пол. I тыс. н.э.: Тез. докл. IV Международной археологической конференции. Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей, 2008. С. 55-61.

Красноперов А.А. Погребальная керамика из пьяноборских и мазунинских могильников Прикамья // УАВ. 2010. Вып. 10. С. 83-109.

Малашев В.Ю. Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Матвеева Г.И. К вопросу о характере взаимоотношений различных этнических групп на территории Южного Приуралья в первой половине I тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: материалы междунар. науч. конф. к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2002. С. 91-96.

Мошкова М.Г. Среднеазиатская керамика из позднесарматских комплексов // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987. С. 104-112.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях р. Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 26-44.

Пшеничнюк А.Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во СГУ. 1992. С. 67-84.

REFERENCES

Ageev B.B. P'ianoborskaia kul'tura [The Pyany Bor culture]. Ufa: Bashkirskij nauchnyj centr Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj Akademii nauk, 1992. 140 s.

Bugrov D.G. Poseleniya p'yanoborskoj kul'tury v Iksko-Bel'skom mezhdurech'e [The Pyany Bor culture settlements in the Iksko-Belsky interfluve: the dissertation of a candidate of historical sciences]. Diss. kand. ist. nauk: 07.00.06 / In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. Kazan', 2006. 350 s.

Vasiutkin S.M., Kalinin V.K. Novo-Sasykul'skij mogil'nik [The Novo-Sasykul burial ground] // Arkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi / Red. A.Kh. Pshenichniuk. Ufa: Bashkirskij filial Akademii nauk SSSR. S. 95-122.

Gening V.F. Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) [History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Pt. I. The Cheganda culture (3rd c. BC – 2nd c. AD)] / Voprosy arkheologii Urala. Vyp. 10 / Red. V.A. Semenov. Izhevsk: Udmurtskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, ekonomiki, literatury i yazyka; Udmurtskij respublikanskij kraevedcheskij muzej, 1970. 257 s.

Goldina R.D. Issledovaniya pamyatnikov Yuzhnoj Udmurtii v 1969-1970 gg. [Studies of the monuments of South Udmurtia in 1969-1970] // Voprosy arheologii Udmurtii / Otv. red. V.E. Vladykin. Izhevsk, 1976. S. 75-92.

Goldina R.D., Bernc V.A. Hronologiya pogrebenij I-II vv. Tarasovskogo mogil'nika [Chronology of burials of the I-II centuries Tarasovo burial ground] // Povolzhskaya arheologiya. 2016. № 1(15). S. 41-89.

Goldina R.D., Leshchinskaya N.A. O p'yanoborskoj kul'turno-istoricheskoj obshchnosti [On the Pyany Bor cultural-historical community] // Arheologiya Evrazijskih stepej. 2018. № 1. S. 17-54.

Grishakov V.V., Zubov S.E. Andreevskij kurgan v sisteme arheologicheskih kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoj Evropy [Andreevka Burial Mound in the system of Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe] / Arheologiya evrazijskih stepej. Vyp. 7. Kazan': Institut Istorii im. Sh. Mardzhani AN RT; Samarskij municipal'nyj institut upravleniya, 2009. 173 s.

Zubov S.E. P'yanoborskaya kul'tura (II v. do n.e. – perv. pol. II v. n.e.) [The Pyany Bor culture (II century BC – first half of the II century AD)] // Istoriya Bashkirskogo naroda v 7-i tomah / Gl. red. M.M. Kul'sharipov. T. 1. M.: Nauka, 2009. S. 255-267.

Ivanov V.A. Otchyot o raskopkah v sostave Moskovskogo otryada Nizhnekamskoj arheologicheskoj ekspedicii [The excavational report as part of the Moscow detachment of the Nizhnekamsk archaeological expedition]. Ufa, 1972 // Nauchnyj arhiv Arheologicheskoj laboratorii BashGU. F. 6. D. 7.

Ivanov V.A. Settlement Peter-Tau (Yuldashevskoe) [Gorodishche Peter-Tau (Yuldashevskoe)] // Sovetskaya arheologiya. 1982. № 3. S. 199-209.

Ivanov V.A. Gorodishche Seren'kino – pamyatnik p'yanoborskoj kul'tury v nizov'yah r. Beloj [Ancient settlement Serenkino – a monument of Pyany Bor culture in the lower reaches of the Belaya river] // Ufimskij arheologicheskij vestnik. Vyp. 4. 2003. S. 199-215.

Ivanov V.A., Ostanina T.I. K voprosu o bahmutinsko-mazuninskoj probleme (po materialam poselenij) [To the question of the Bakhmutin-Mazunin problem (based on settlements)] // Poseleniya i zhilishcha plemen Yuzhnogo Urala / Pod. red. A.Kh. Pshenichnyuk, V.A. Ivanov. Ufa: BFAN SSSR, 1983. S. 104-127.

Kazanceva O.A. Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Srednego Prikam'ya pervoj poloviny I tys. n.e. (po dannym nekropolej). [Pottery technology of the population of the Middle Kama river area of the first half of the 1st millennium AD (according to necropolises)]. Avtoreferat dissertacii kandidata istoricheskih nauk 07.00.06 / Udmurtskij gos. un-t. Izhevsk, 1996. 21 s.

Kazanceva O.A. Goncharstvo drevnego naseleniya Srednego Prikam'ya (po materialam Tarasovskogo mogil'nika I-V vv. n.e.) [Pottery of the ancient population of the Middle Kama river area (based on the materials of the Tarasovsky burial ground of the I-V centuries AD)] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filosofiya. 2011. Vyp. 1. S. 55-62.

Klyueva G.N. Byrgyndinskoe IV poselenie – pamyatnik p'yanoborskogo vremeni na Srednej Kame [Birgindinsky IV settlement – a monument of the Pyany Bor era in the Middle Kama] // Pamyatniki zheleznogo veka Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya. Vyp. 2. Otv. red. B.G. Plyushchevsky. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta, 1984. S. 20-35.

Kolonskih A.G. Kollekciya keramiki gorodishcha Ufa-II iz raskopok N.A. Mazhitova 1958 goda [A collection of ceramics from the Ufa-II site from the excavations of N.A. Mazhitov in 1958] // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2017. № 10. S. 9-24.

Krasnoperov A.A. Pogrebal'naya keramika Prikam'ya p'noborsko-mazuninskogo vremeni [Funeral ceramics of Prikamye of the Pyany Bor-Mazunino time] // Kul'tury stepej Evrazii vtoroj pol. I tys. n.e.: Tez. dokl. IV Mezhdunarodnoj arheologicheskoj konferencii. Samara: Samar. obl. ist.-kraeved. muzej, 2008. S. 55-61.

Krasnoperov A.A. Pogrebal'naya keramika iz p'yanoborskih i mazuninskih mogil'nikov Prikam'ya [Funeral ceramics from the Pyany Bor and Mazunino burial grounds of Prikamye] // UAV. Vyp. 10. 2010. S. 83-109.

Malashev V.Yu. Yablonskij L.T. Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 [Steppe population of the Southern Urals in late Sarmatian time: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground]. Moskva: Vostochnaya literatura, 2008. 365 s.

Matveeva G.I. K voprosu o haraktere vzaimootnoshenij razlichnyh etnicheskih grupp na territorii Yuzhnogo Priural'ya v pervoj polovine I tys. n.e. [To the question of the nature of the relationship of various ethnic groups in the Southern Urals in the first half of the 1st millennium] // Istoricheskie istoki, opyt vzaimodejstviya i tolerantnosti narodov Priural'ya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 30-letiyu Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoj ekspedicii. Izhevsk: Izd-vo Instituta ekonomiki i upravleniya UdGU, 2002. S. 91-96.

Moshkova M.G. Sredneaziatskaya keramika iz pozdnesarmatskih kompleksov [Central Asian ceramics from late Sarmatian complexes] // Proshloe Srednej Azii. Dushanbe: Donish, 1987. S. 104-112.

Ostanina T.I. Naselenie Srednego Prikam'ya v III-V vv. [Middle Kama region population in 3rd – 5th cc. AD]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997. 327 s.

Pshenichniuk A.Kh. Pamyatniki anan'inskoj i p'yanoborskoj kul'tur v nizov'yah r. Beloj [Monuments of the Ananyino and Pyany Bor cultures in the lower course Belaya river] // Arheologicheskie raboty v nizov'yah r. Beloj / Otv. red. A.H. Pshenichnyuk. Ufa: Bashkirskij filial Akademii nauk SSSR, 1986. S. 26-44.

Pshenichniuk A.Kh. Derbenevskij kurgannyj mogil'nik pozdnesarmatskogo vremeni v Zapadnom Priural'e [Derbenevsky burial mound of late Sarmatian time in the Western Urals] // Problemy hronologii sarmatskoj kul'tury / Otv. red. A.S. Skripkin. Saratov: Izd-vo SGU. 1992. S. 67-84.